

ПЕСНЮ Пахмутовой я услышала впервые не с эстрады, не записанной на пленку радиостанции «Юность», не со сцены заводского клуба.

Пел ее невысокий парнишка в яркой козынке на шее — под Фиделя:

Я уехала в знойные степи,

Ты ушел на разведку в тайгу...

Место было самое неромантическое: плоская земля с выгоревшей от солнца и костров травой. Ребята приехали осушать болото. И работа была тяжелая, обыденная. Но что-то ведь потянуло их все-таки сюда...

Голос парня в козынке бередил, притягивал, и было в этой песне что-то такое особенное, от чего весь огромный студенческий лагерь не мог уснуть.

А мне казалось, что я снова иду по летящему, качающемуся из стороны в сторону составу. Ребята прилипли к окну. Не устают удивляться и небу, которое здесь выше чуть ли не в два раза, и солнцу, которое в полнеба, и ртутным темным рекам, мимо которых проносится поезд, и огненным саранкам на лесных полянах. Как жаль, что я не запомнила их фамилий, не записала адресов. Я написала бы им, что сочинили песню про них, про влюбленных с первого взгляда в Сибирь ребят. И это была бы чистая правда. Ведь написала эту песню Александра Пахмутова, когда не знала ни одного геолога. Это была песня-мечта.

В столе композитора хранится гайка. Маленькая, потемневшая от времени, ржавая по краям. Это на память. На память о тех днях, когда пришла любовь к Сибири. Вы хотели бы знать, как все это было? Прозвучала записанная на пленку по радио песня «Геологи», и в редакцию посыпались письма. Словно тысячи голосов заговорили с авторами песни, и были они такими же неизвестными, как штемпеля на конвертах, — Бодайбо, Вилой, Усть-Илим. А какая же она, эта суровая, непонятная Сибирь?

НАЙДЕН маршрут, подобралась бригада — композиторы Пахмутова и Чичков, поэты Добролюбов и Гребенников, певцы Кобзон и Косарев.

И вот путешествие по Ангаре. Утренние, то непрозрачные, как пелена, то курящиеся туманы, девчонки, са-

мозабвенно танцующие на палубе, ночные таежные костры. Они еще вернутся, напомнят о себе, отзовутся в словах и мелодиях будущих песен (композиторы и поэты работают, удивительно чувствуя друг друга, — слова находят мелодию, мелодия облекается в слова). Быть песням о Сибири.

Наверное, старики-комсомольцы кое о чем догадывались. Потому и вручили на прощание пролаборский наряд, заполненный по всем статьям.

вают северные деревни в пять домов, с лугами, отгороженными от тайги забором. На самоходной барже, кроме композитора, поэта, бережно укутанного брезентовом пианино, едет еще одна путешественница — песня.

Илим, наконец. Впереди два острова, которые местные жители называют ласково — лосята. В глубине залива на берегу четыре бревенчатых домика и несколько палаток. Строители Усть-Илимской ГЭС.

Песни Пахмутовой — лирические песни.

И напрасно биографы, отыскивая причины всего этого, стали бы рыться в эпизодах давних дней. Воспитывалась композитор в большой семье. Эвакуация в далекую Караганду. Потом учеба в Москве. Приходила в школу в седьмом часу, задолго до занятий, открывала крышку инструмента...

Обычная для ее поколения судьба. А может быть, в этой обыденности, в этой близости жиз-

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

А потом придет Алин знакомый музыкант, и заспорят они о симфонии известного композитора: ну, это все блестящие частности — оркестровка. А где же большая, стремительная мысль, скажет Аля, и улыбка сбежит с лица, и глаза будут смотреть умно и жестко. И это уже другая Аля.

Недавно приехали в Москву моряки экипажа катера, того самого, что возил композитора на Усть-Илим.

Звонят — где Пахмутова? — На концерте в Плехановском.

В зале молодежь, студенты. Слово берет композитор.

— Товарищи, я вижу в первом ряду ребят с катера ГЭС-32. Героев песен и наших друзей. Мы не виделись полтора года.

Что было в зале!

— А ну давай на сцену!

И засыпали записками.

Я увиделась с Алей за несколько дней до Нового года. Она выглядела усталой и немного встревоженной.

— Что бы вы хотели в 1965 году? — задаю я традиционный вопрос.

— Тишины, вот столько! — Аля разводит руками. — Мне просто необходима тишина, чтобы закончить симфонию.

Она гладит мохнатые ветки с шишками. Их прислал из Сибири неизвестный друг. Я знаю, вот такой я и задомню ее, Алю, автора песен нашего времени — немного грустной и встревоженной с мохнатыми сибирскими ветками от неизвестного друга.

А. РОМАНЕНКО.

ТАЕЖНЫЙ ВЕТЕР

Фамилия — Пахмутова.
Призвание — композитор.
Задание — написать песню о Братске, достойную наших ребят.
Срок исполнения — до 31 декабря 1962 года.

Дальновидный народ, братчане!

В ту первую поездку по Сибири Пахмутова и ее друзья часто слышали одни и те же разочарованные слова: а почему вы так поздно приехали? Рассказывали о том, как летели наземь вековые деревья, как пролегла первая просека, как оконченные, смертельно усталые, тянулись к таежному костру, как делили пополам и хлеб и песни, как приходилось бороться с хулиганьем (и такие попадали на стройку), как не хватало детских садов, яслей, школ, больниц, как туго приходилось жить. Первым, первые...

А тут еще ребята из бригады на вопрос: куда же вы после Братска? — дружно отвечали: на Усть-Илим. Значит, опять первыми? — Конечно. И геологи отвечали: на Усть-Илим. И строители...

ДАВНО распакованы чемоданы в московской квартире, перечитаны газеты и журналы, пересказаны дорожные впечатления. Только бередит память, притягивает, упорно повторяется в каждой музыкальной фразе слово Усть-Илим.

А может быть, это будет все-таки песня? Песня о первых. Пройдет много месяцев, пока отшлифуются слова и мелодия, пока песня соберется в дорогу.

Июль 1963 года. Уходят назад ангарские берега, то голые, скалистые, то густо заросшие. Проплы-

ничего, что сцена — небольшая часть баржи между пианино и ящиками с запасными частями для машин и экскаваторов. Певцы волнуются ничуть не меньше, чем перед выступлением в большом концертном зале.

...Я по карте слежу

За маршрутом твоим.

Это странное слово ищут —

Усть-Илим.

Усть-Илим на далекой

таежной реке,

Усть-Илим от огней

городских вдалеке.

Надо пережить весь этот день, чтобы понять, какое великое счастье вернуть песню ее героям.

Настоящая песня — это всегда душа народа, всегда эпоха в его жизни. Так было во все времена.

— А какая же по жанру эта песня «Геологи» — лирическая, романтическая баллада? — спросил кто-то из первых слушателей.

— Видите ли, — поясняют критики, — они совсем особенные, песни Пахмутовой, по интонации, по окраске.

Но разве этим отвечают на главный вопрос — почему они такие?

У Фета есть перевод стихов Катулла, озаглавленный «Аттис». Изящные интимные стихи. А вот Блок не поверил переводу. Вслушиваясь в нервный стих подлинника, он уловил «неровный, торопливый шаг» изгнанного Катилины, «бурю ярости, разрешающуюся в прерывистых, музыкальных звуках».

«...Страсть всякого поэта... — писал он в статье «Катилина», — насыщена духом эпохи, ее ритмы, ее размеры, так же, как ритм и размеры стихов поэта, внушены ему его временем, ибо в поэтическом ощущении мира нет разрыва между личным и общим, — и чем более чуток поэт, тем неразрывнее ощущает он «свое» и «не свое», поэтому в эпохи бурь и тревог важнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполняются бурей и тревогой». Это сказано о поэзии. Но в тысячу раз справедливее будет сказано о песне.

Ритмы большого сложного времени отчеканились в песнях Пахмутовой. Какие же они, эти песни?

Радостные. Это поет сама юность, растревоженная, убежденная в своем праве на счастье.

Песни Пахмутовой — задумчивые песни. Потому что они всегда о первых. А разве легко, разве просто быть первыми?

Песни Пахмутовой всегда тревожны. Звонят и спрашивают: а ты, дружок, не проспал ли часом сигнал отправления? Ведь в дорогу уходят не только с рюкзаком и чемоданом. Не подремал ли свои лучшие годы? Не опоздал ли?

ОТИТЕ познакомиться с Алей Пахмутовой? Давайте вместе доберемся до Студенческой улицы, поднимемся на четвертый этаж, нажмем кнопку. Откроет дверь Аля, протянет

руку: «Я очень рада, ребята, снимайте пальто». И с первой же улыбки догадаетесь — своя. Потому она проидется по комнате, сероглазая, быстрая. Будет говорить очень скоро, улыбаясь и отбрасывая волосы, — ну, ешьте же яблоки! И смеяться вместе с вами. И вы будете думать, — хорошо такой протянуть ладонь, хорошо с такой шагать по самой неуютной дороге.